

Дейзи Вэнити

Твид,
и кровь

Москва

Дейзи Вэнити

Твид,
и кровь

Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В97

Иллюстрация на обложке
Станиславы Иванкевич (Night Crow)

Вэнити, Дейзи.
В97 Твид и кровь / Дейзи Вэнити. — Москва : Эксмо,
2025. — 320 с. — (Академия тайн).

ISBN 978-5-04-214800-2

Англия, 1994 год.

Колледж Святой Анны ничем не отличается от других школ. Ученики посещают кружки и спортивные секции, тайком устраивают вечеринки и бегают на свидания. Но все меняется, когда неподалеку в лесу находят повешенной Лиму Ветивер, звезду женской футбольной команды колледжа.

Ни у кого в школе не возникает сомнений, что это самоубийство. Однако полиция вдруг задерживает мистера Морелла, преподавателя истории Древнего мира, и ученики сразу же вешают на него клеймо убийцы.

Но мистер Морелл не мог убить ученицу — так считает Эдит Данлоп, его племянница и капитан команды, в которой играла Лима. Чтобы защитить дядино честное имя, Эдит начинает поиски настоящего убийцы. И неожиданно выясняет, что у погибшей девушки было несколько любопытных тайн...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-214800-2

© Вэнити Д., 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ГЛАВА 1

СЛУХИ

С самого утра стеной шел ливень, и мама вела машину со скоростью не больше тридцати миль в час. Эдит, планировавшая первой заселиться в общежитие, теперь надеялась хотя бы не опоздать. Прижав к груди сумку, она рассеянно наблюдала, как дождь струится по краю лобового стекла, там, где ему не мешали описывающие дуги щетки-дворники. Мимо проплывал лес, темные скелеты оголенных осин высились ровными рядами слева от шоссе, словно живая изгородь исполинских размеров.

После Ленхем-Хит мама неуклюже вырулила на двухполосный съезд, и Эдит, чтобы не смущать ее и вместо этого смутившись сама, уставилась на свою сумку-почтальонку. Светло-коричневую кожу располосовали капли дождя, все еще не успевшие высохнуть.

Этим путем Эдит добиралась до школы уже семь лет — четырежды в год туда и обратно. Сначала за рулем сидел отец, но теперь, когда он ушел, маме пришлось выудить со дна жестяной коробки со счетами свои права.

— Ничего не забыла? — спросила она, вцепившись в руль так, что побелели костяшки.

Эдит терпеливо откликнулась:

— Вроде нет.

Сквозь пелену дождя она различила, как их обгоняет красный «Мерседес» — на таком водителе привозил в школу Винса, ее одноклассника.

Ближе к лесу дорога сузилась до съезда, настолько маленького, что не разъехаться. Кто-то оставил распахнутыми низкие деревянные ворота, и Эдит не пришлось выходить на улицу — мама просто въехала на посыпанную гравием дорожку.

— Кстати, у меня для тебя кое-что есть, — сказала она таким взволнованным тоном, что Эдит сразу догадалась, что это вообще некстати. — В бардачке.

Хлопнув по заедающему ящику кулаком, Эдит позволила ему вывалить свое содержимое себе на колени и схватила первое, что увидела, — запечатанный белый конверт. Она продемонстрировала его маме, и та кивнула. Ее овальные очки в украшенной стразами оправе, которые она надевала только за рулем, сползли на кончик носа.

— Да. Это тебе.

С нехорошим предчувствием Эдит вернула бардачок на место и аккуратно вскрыла конверт. Она понятия не имела, что рассчитывала там найти. Деньги? Копию счета? Но едва в раскрытом клапане показался лист со строчками, написанными знакомым наклонным почерком, как Эдит с упавшим сердцем осознала, что именно это и ожидала увидеть. Она согнула конверт пополам и сунула его в сумку.

— Я не буду это читать, — упрямо заявила она.

Маме стоило огромного усилия заставить себя на секунду оторвать взгляд от дороги, чтобы укоризненно посмотреть на Эдит. Мало того что дождь и не думал прекращаться, так еще и стало темно, ведь они въехали в лес. Школа располагалась в лесном массиве Деринг-Вудса,

и ее давно прикрыли бы, не будь она такой старой. Полагалось называть ее здание «исторической ценностью».

— Он заплатил за твою учебу, — мягко сказала мама.

Эдит отрезала:

— Я не просила.

Согнутый конверт с письмом прожигал ее руку даже сквозь кожу сумки. Может, ему еще хватило совести положить внутрь квитанцию?

— Он все еще твой отец и все еще любит тебя, — вздохнула мама, явно начиная сердиться. — Я не держу на него зла, значит, и ты не должна. Ясно?

«Все еще любит тебя». Он, конечно, бросил нас с тобой и все такое, но все еще питает к тебе достаточно нежных чувств, чтобы не забывать, что у него есть три дочери, а не две. И — эй! — он все еще оплачивает твою школу! Чем не отец года?

Начинался последний семестр обучения Эдит, и последнее, о чем ей хотелось думать, — то, что этой возможностью она обязана деньгам своего отца. Конечно, она могла бы выпятить свою гордость и отказаться принимать от него подачки, но вот кем Эдит Данлоп уж точно не была, так это идиоткой. Если ей выпала возможность делить парты с наследниками шотландских лордов, сыновьями министров и дочерьми киноактрис, нужно этим пользоваться.

В ответ на угрюмое молчание Эдит мама сердито укорила ее:

— Не будь таким ребенком!

Она хотела сказать что-то еще, но, видимо, вспомнила, что в следующий раз увидится с дочерью только после Пасхи, поэтому промолчала. Эдит тоже не хотела ссориться, поэтому она примирительно сказала:

— Я позвоню ему и поблагодарю, ладно?

Явно испытав облегчение, мама уперлась обеими руками в руль и откинула голову на сиденье.

— Спасибо, Дита.

Эдит слегка улыбнулась.

Она была этнической японкой и по матери, и по отцу, но ее семья по обеим линиям так глубоко пустила корни в английской земле, что у Эдит даже не было имени, которое можно записать с помощью кандзи. Имя Дита многочисленным бабушкам, тетушкам и кузинам было куда легче выговорить на почти японский манер. Но своим дочерям от второго брака отец представил ее как Эдит. Так ее звала и мачеха. По правде говоря, вне семьи никто не звал ее Дитой — кроме одного человека.

При одной только мысли о нем кровь Эдит прилила к голове. С остервенением принявшись тереть чехол очков о колючую ткань юбки, она уставилась в окно на проплывающие мимо частоколы сосновых стволов с облепленными хвоей макушками.

Лес понемногу расступался, дорога расширялась, и вскоре маме уже не приходилось прижиматься к обочинам, чтобы пропустить выезжающие машины. Дождь тоже заканчивался, и, когда они съехали на подъездную дорожку к школе, Эдит уже могла различить главное здание из красно-коричневого кирпича.

Вытянутый фасад венчали несколько плотно сдвинутых друг к другу треугольных крыш-скатов, а вход отмечали две колонны, настолько невыразительные, что Эдит была уверена: у некоторых ее одноклассников гаражи имеют большую торжественность. Справа тянулись общежития, сложенные из тех же кирпичей, а слева примыкала часовня с выпирающим приходом. Вместе все здания образовывали фигуру неправильной формы, спереди ограничивающую парк, а сзади — большое футбольное поле.

Дальше, за пределами металлической решетки, раскинувшись глухой темный лес.

Заняв парковочное место, мама заглушила мотор и со вздохом облегчения положила ладони на колени. За зиму ее сухие узловатые руки потеряли загар и приобрели желтоватый болезненный оттенок.

— Поверить не могу, — покачала она головой, — твой последний семестр.

Банальнее фразы не придумать, но Эдит все равно охватила грусть. Частный католический колледж Святой Анны за эти годы стал ее вторым домом, если не первым, — в Кентербери она возвращалась только на каникулы, большую часть года проводила здесь. Конечно, в общежитии ей вечно приходилось менять корпуса, этажи, комнаты и соседей, но все равно в школе Эдит чувствовала себя как рыба в воде. Мысль, что через несколько месяцев ей придется навсегда расстаться с этим местом, тяжелым камнем давила на сердце.

Перекинув лямку сумки через голову, Эдит открыла дверь и выбралась из машины прежде, чем мама заметила бы ее покрасневший нос. После дождя запах леса был сильнее обычного, и Эдит с наслаждением втянула носом воздух — маслянистую свежесть сосновых игл, терпкую затхлость подмороженной прелой листвы, свежую прохладу озона. Дождь смыл пыль с гравия и заставил потемнеть крыши построек.

Без необходимости родители обычно не заходили на территорию школы, поэтому на парковке Эдит с мамой попрощались. Багажа было немного — рождественские каникулы перед семестром Великого поста продлились чуть больше двух недель, и почти все вещи Эдит оставила в своей комнате в общежитии. Мама помогла ей повесить сумки на плечи и, воспользовавшись тем, что руки при-

севшей от тяжести Эдит заняты, быстро обхватила ее лицо своими холодными руками и поцеловала в нос, а затем притянула к себе. Они стали почти одного роста, и лицом Эдит уткнулась в плечо матери. Ее шерстяной кардиган пах цветочным кондиционером для белья.

— Будь умницей, Дита, — пробормотала мама. — Обязательно позвони мне вечером, хорошо?

Услышав, что подъезжает очередная машина, Эдит неловко отодвинулась от матери, поцеловала ее гладкую щеку и попыталась улыбнуться.

— Поезжай, пока дождь снова не начался.

Вздохнув, мама сняла очки и, помедлив, снова их надела.

— Не терпится меня выпроводить?

Тоже слышав шорох гравия, она оглянулась на дорогу, и на ее лице расплзлась хитрая улыбка.

— Ах, я, кажется, поняла. Это тот самый мальчик, который...

Смеясь, она позволила смущенной Эдит затолкать себя в машину и выехала с парковки, помахав ей рукой. Ее место тут же заняла блестящая серебристая «Тойота». Эдит с облегчением удостоверилась, что машина принадлежит не Хиро Уэлчу, а всего лишь какому-то младшекласснику, и поплелась в сторону общежитий.

Хиро омрачал ее школьную жизнь по ряду причин. Первая: как капитан мужской команды по регби он вечно умудрялся выбивать для тренировок лучшее время, и женской команде по футболу, которой руководила Эдит, приходилось занимать поле в оставшиеся часы — очень ранним утром и ужасно поздним вечером. Вторая: при всем своем невыносимом самохвальстве и равнодушии к учебе он умудрялся получать сносные отметки, а по истории и вовсе был лучшим в классе.

Третья и, пожалуй, самая значительная причина: Хиро Уэлч никогда не стеснялся публично выражать собственную симпатию, а Эдит не повезло стать ее объектом. Он увивался за ней с первого класса¹, с того самого года, как они поступили в колледж Святой Анны и попали в один класс. Эдит не могла понять, что такого в ней видел Хиро, что спустя шесть лет, тысячи отказов, сотни публичных ссор, десятков нераспечатанных любовных посланий и одну пощечину он все еще продолжал ее донимать. Это уже вошло у него в привычку. Его утренняя рутина: принять душ, выйти на пробежку, позавтракать, дернуть Эдит Данлоп за косичку, отправиться на урок. Может, она и сумела бы воспринимать чувства Хиро всерьез, если бы для половины признаний в любви ему не требовалась публика, насмешливо наблюдающая за реакцией Эдит.

Не то чтобы она годилась на роль девушки, которую обычно выбирают для жестоких розыгрышей вроде «притворись, что приглашаешь эту неудачницу на свидание». Вовсе нет, хотя, пожалуй, уши могли бы быть чуть менее оттопыренными. Эдит гордилась тем, что с самого детства ее считали серьезной и ответственной. Она знала, что умна. Прекрасно понимала, что усердная учеба окупится в будущем. Но как такому, как Хиро Уэлч, могла понравиться такая, как она? Если он действительно влюблен, то в его кудрявой башке куда меньше мозгов, чем она думала.

Чувствуя, как от злости начинают наливаться жаром руки, Эдит остановилась посреди дорожки, чтобы пере-

¹ Первый класс в британской школе эквивалентен седьмому году обучения. В это время ученикам примерно по 11–12 лет, и они переходят из начальной школы в среднюю. Эдит и Хиро учатся в старшем шестом классе — это последний, двенадцатый год обучения. — *Здесь и далее прим. авт.*

бросить одну из сумок на грудь. Она все-таки не опоздала — к общежитиям подтягивались ученики младших классов, заселяющиеся первыми. Их бойкий поток раздваивался под аркой, разделяющей общежитие: мужское было здесь же, а женское располагалось с другой стороны кампуса, напротив футбольного поля. В странном оцепенении Эдит последовала за стайкой щебечущих второклассниц в разноцветных свитерах, но обернувшись, краем глаза уловив знакомую светлую шевелюру.

Винсент Экблом-Финнеран, ее одноклассник и лучший друг Хиро, был одним из тех самых отпрысков разбросанных по Великобритании остатков дворянства. Белокурый и бледный, но с румянцем на впалых щеках, он казался настоящим ангелом — до тех пор пока не раскрывал рот. Глаза его были такими темными, что карий оттенок в них возможно было различить только на свету — то есть почти никогда, учитывая, в какой хмурый уголок Англии их занесло. Девчонки из классов помладше ходили за Винсом хвостиком, когда еще не знали, что с его херувимских розовых губ без перебоя льется поток отборнейшей брани. Эдит была уверена: чтобы излечиться от увлечения Винсом, нужно всего лишь посидеть с ним на уроке греческого.

Впрочем, ее мнение разделяли немногие. Сейчас Винса до дверей общежития сопровождала девушка, имени которой Эдит не знала. Винс прятал их сцепленные ладони в кармане своего длинного коричневого пальто. Дойдя до дверей, он повернулся к девушке, обхватил ее лицо обеими руками, склонился, и Эдит отвернулась.

Следуя за девочками, она прошла под аркой, сгибаясь под тяжестью сумок.

— Нет, этого не может быть! — настаивала одна из младшеклассниц, прижимая к себе огромного плюшево-

го медведя с сердцем — такие продаются в цветочных магазинах. — Сколько он таскался за ней?

— Года два, — предположила другая, высокая для своих лет девчонка с длинными косами. — Какая разница? Люди меняются.

— Точно не два. Бекка говорит, что больше, — четыре или пять. Она говорит, что слухи еще до ее поступления ходили.

— И что? Встречается-то он с Лимой Ветивер.

Эдит наострила уши и замедлила шаг, надеясь, что какой-нибудь из младшекласниц не приспичит обернуться.

Сам Хиро был еще половиной беды, куда хуже были вот такие ситуации и слухи, распространяемые на каждом углу в ужасающих вариациях. «Эдит Данлоп планирует стать монашкой». «Эдит Данлоп и Хиро Уэлч скрывают свой ранний брак». «Эдит Данлоп приворожила Хиро Уэлча любовным зельем». Ей было даже любопытно, какими подробностями обрастет ее биография на этот раз.

Второкласница с медведем в руках вздохнула.

— Я слышала, это он специально. Скоро переизбрание капитана футбольной команды, и он хочет поддержать Ветивер.

— Это школьная команда, а не парламентские выборы, — осадил ее третья, одетая в платье из шелка, такое нарядное, будто девчонка собралась на бал. — Что за бред? Данлоп просто разонравилась ему, вот и все.

— Еще бы, — фыркнула та, что с косами. — Я вообще не понимаю, что Хиро в ней такого увидел. Она ведь вроде из Китая?

— Моя мама говорит, что китайские миллионеры всегда отправляют своих дочек учиться в Англию, — доверительно поведала четвертая. — Чтобы... ну, вы понимаете. Когда-нибудь ведь надо выдавать их замуж.

Второкурсницы захихикали, а Эдит стало совсем не смешно. На нее накатил прилив злости, который в последнее время случался все чаще и чаще. Ей до ужаса захотелось схватить этих глупых девчонок за плечи и хорошенько потрясти, но в этом было бы так же мало смысла, как в их словах.

Эдит сжала кулаки, но раздражение, яркое и отчетливое, никуда не делось. Обернувшись, она нашла взглядом Винсента, все еще увлеченно целующегося на пороге мужского общежития, и крикнула через половину парка:

— Привет, Винс!

Он поднял голову, и его губы, покрытые розовыми пятнами помады, растянулись в улыбке.

Как это ни удивительно, с Винсом Эдит находила общий язык. Он всегда охотно болтал с ней, когда им случалось оставаться наедине, обладал грубоватым, но остроумным чувством юмора и дружелюбно осаждал Хиро, когда того заносило. Эдит не была уверена, что дружба с Винсом вернет ей хоть какой-то авторитет в глазах младшеклассниц, но просто идти и выслушивать очередную дискуссию об их с Хиро совместной судьбе у нее не было сил. Сейчас ее мало волновало даже то, что как-то глупо утверждаться за счет белого парня с трастовым фондом.

— Эдит! — громко протянул Винсент, длинным пальцем вытирая помаду с уголка губ. — Моя драгоценная! Как поживаешь?

Эдит не удержалась от усмешки и приподняла пальцы, здороваясь.

— Замечательно. Увидимся завтра на истории?

Улыбка Винса слегка увяла, и он со стоном уронил белокурую голову на плечо остолбеневшей девушки.

— Господи боже! Умеешь испортить момент...